

СИСТЕМНОЕ ОПИСАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ТЕРРОРИЗМА

*Работа представлена кафедрой политической психологии
Санкт-Петербургского государственного университета.
Научный руководитель – доктор психологических наук, профессор А. И. Юрьев*

Статья посвящена рассмотрению политического терроризма в рамках системного подхода. Уделяется особое внимание причинам и последствиям террористических актов, кросс-культурным и религиозным аспектам терроризма, агрессивному поведению, переживанию страха и гнева. Анализируются возможные стратегии антитеррористической деятельности в СМИ.

Ключевые слова: *политический терроризм, экономический терроризм, психологические последствия террористических актов, физический терроризм, идеологический терроризм, этнический и религиозный терроризм, информационный терроризм, эффекты предъявления информации, антитеррористическая деятельность.*

A. Tsopanova

SYSTEM APPROACH IN THE STUDY OF POLITICAL TERRORISM

The article is devoted to the consideration of political terrorism within the framework of the system approach. Special attention is given to the reasons and consequences of acts of terrorism, to the cross-cultural and religious aspects of terrorism, experiencing of fear, anger and aggression. The possible strategies of antiterrorist activity in the mass media are also analysed.

Key words: *political terrorism, economic terrorism, psychological consequences of acts of terrorism, physical terrorism, ideological terrorism, ethnic and religious terrorism, information terrorism, effects of information presenting, antiterrorist activity.*

Определение понятия, понимание причин возникновения и выявление факторов пространства политического терроризма – одни из важных аспектов исследования тер-

роризма. Под политическим терроризмом мы понимаем силовое решение проблем политической несовместимости посредством физического уничтожения людей, ликвидации ма-

териальных ценностей, разрушения значимых стратегических объектов, частичное разрушение экономической инфраструктуры, широкомасштабное нарушение работы финансовых и коммуникационных сетей и систем, а также навязывание властным структурам своей воли.

Существуют факторы, влияющие на рост терроризма. Это наличие острых межнациональных и межконфессиональных проблем; влияние международных экстремистских и террористических организаций; недостаточ-

ное эффективное правовое и политическое воспитание граждан; отсутствие общенациональной идеологии, признаваемой всем обществом системы целей, идей и ценностей и т. д.

Понимание системности описываемого явления дает возможность по-новому взглянуть на саму постановку проблематики политического терроризма. Раскрывая то, как в этой системе взаимодействуют и работают элементы, мы можем понять, как в итоге преобразуется результат работы каждого элемента в общий результат действия всей системы.

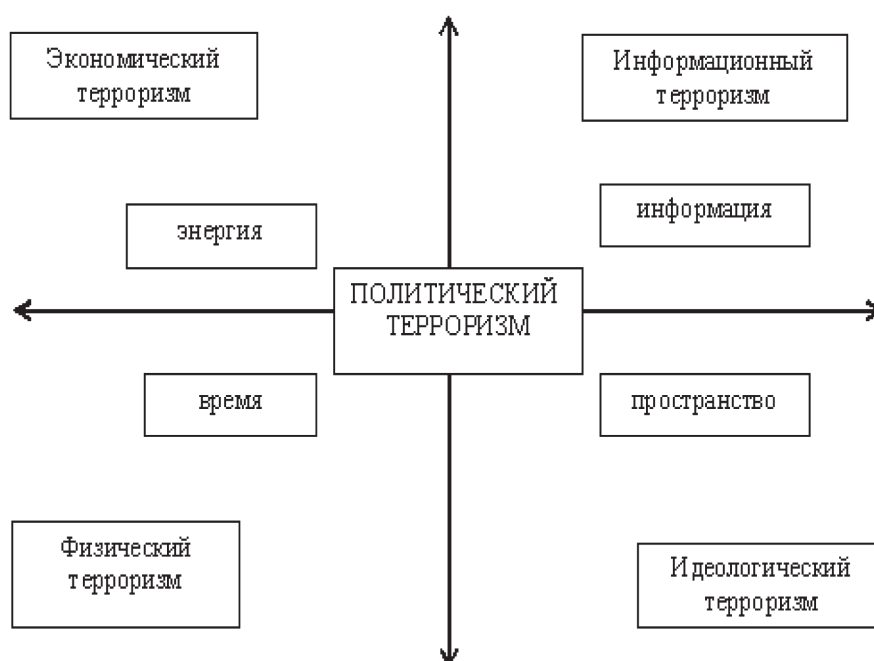

Рис. 1. Классификация терроризма

Проводимый нами анализ основывается на описании объектов, сделанный В. А. Ганzenом [1], где основными характеристиками любого объекта являются пространственные, временные, информационные и энергетические. Этими характеристиками обладает объект, который выполняет функцию интегратора.

Исходя из понятия жизненного пространства (К. Левин) и пересечения политического и психологического пространств человека [12, с. 182–184], мы рассмотрим экономический, физический, идеологический, информационный и политический терроризм (рис. 1).

Экономический терроризм нами описывается в энергетических характеристиках, связанных с объективными условиями существования движения. Применительно к пентабазису человека это характеристика субъекта, как познающего и действующего носителя сознания [1].

Под экономическим терроризмом подразумевается «различные дискриминационные экономические действия, имеющие целью оказание влияния на экономических конкурентов, социальные группы и слои населения, а также целые государства и их лидеров ради достижения конкретных экономических выиг-

рышей или шире, проводимой ими политики...» [6, с. 21].

Экономический терроризм не ставит своей основной целью убийства. Необходима широкая информация о совершаемых террористических актах. Но в этом случае и сама информация террористам не нужна. Главное — это ее воздействие и эффект, которого они добиваются. В результате основной ущерб террористы наносят, порождая атмосферу страха, подрывая чувство безопасности личности, фрустрируя одну из базовых потребностей. Мы можем предположить, что именно психологические последствия террористических актов и являются основной причиной последующих экономических неурядиц: потеря рабочих мест и увеличение выплат пособий по безработице, сокращение объемов промышленного производства и объемов розничной торговли, сложности в развитии индустрии туризма и развлечений. Страх перед террористическими атаками заставляет бизнес больше средств тратить на обеспечение собственной безопасности, делая меньше более продуктивных инвестиций. Повышение затрат на безопасность характерно и для государства в целом.

Особое внимание экономическим компонентам уделяется и при рассмотрении причин и истоков терроризма. В частности, на территории Российской Федерации* на Северном Кавказе отмечается низкий уровень материального обеспечения населения, нерешенность большинства экономических проблем, высокий уровень безработицы, широкомасштабная коррупция, материальная поддержка экстремистов и боевиков [11, с. 49–50].

Оказывается возможным оценить прямые и непрямые расходы**, аналогично применяемым при оценке общего ущерба от основных психических заболеваний [14]. По данным P. Kind и J. Sorensen [15], прямые и косвенные экономические потери государства в результате совершенных террористических актов в процентном соотношении составляют 12 : 88% соответственно.

Таким образом, экономический терроризм как элемент рассматриваемой нами системы может проявлять себя не только в явных диск-

риминационных экономических действиях, но и как результат совершения любого террористического акта, не имеющего целью оказание экономического влияния.

Физический терроризм рассматривается во временных характеристиках, связанных с объективными условиями существования движения. Применительно к пентабазису это характеристика индивида как наименьшей единицы в системе вида, сохраняющей о нем информацию во времени [1].

Физический терроризм — это реальное воздействие на жизнь и состояние здоровья людей, создание постоянной угрозы для них [6, с. 22]. Причем воздействие может быть и химическое, и биологическое, и ядерное, и какое-либо иное. Борьба с терроризмом провозглашена ООН одной из приоритетных задач мирового сообщества. В современных условиях опасность терроризма возрастает, поскольку человечество получило доступ к оружию массового поражения, обладающему огромной разрушительной силой.

Физический терроризм тесно связано с понятиями агрессии и гнева. Эти понятия являются когнитивно-эмоциональным комплексом и возможны после их внутриспсихической подготовки [5, с. 244–254], за исключением некоторых импульсивных действий, которые совершаются непосредственно после воздействия фрустрирующих символов.

Важными аспектами рассмотрения физического терроризма являются анонимность и деиндивидуализация. Под первым понимается осознание личностью того, что в данном социальном мире ее никто не знает [3]. Под вторым — лишение индивидуальной неповторимости личности путем превращения ее в типичного, стандартного члена группы. Оба эти явления позволили современным террористам использовать методы, отличающиеся от тех, которые в прошлом использовали политические убийцы. Важнейшим изменением стало то, что террористам удалось превратить собственную смерть в абсолютное оружие против общества, так называемая идея «нулевой смерти», когда собственная смерть — это средство контрастности [16].

Гнев, как переживаемое субъектом эмоциональное состояние, не является формой агрессии и характеризуется интенсивностью, продолжительностью, частотой его переживания, телесными изменениями, когнитивными искажениями. Гнев может возникать спонтанно, и причина его субъективно видится в другом человеке, обычно гнев включает в себя ощущение того, что человек этот заслуживает наказания [2, с. 31]. В более масштабном его понимании гнев — это «роль или созданный обществом и получивший в нем подкрепление сценарий поведения, реализации которого мы научаемся» [2, с. 38]. Так понятие праведного гнева является одним из ключевых в религиозных учениях.

Идеологический терроризм. При рассмотрении идеологического терроризма ключевой характеристикой выступает пространство. Здесь человек как личность вступает в актуальные отношения с различными социальными единицами и другими людьми, со своими современниками, локализуясь в различных областях физического и социального пространства [1]. Такого рода взаимодействие подразумевает наличие некоей системы общих взглядов, идей, убеждений, ценностей и установок. Эту функцию выполняет идеология, выражающая интересы различных социальных групп, классов, обществ, в которых осознаются и оцениваются отношения людей к действительности и друг к другу, социальные проблемы и конфликты, а также содержатся цели (программы) социальной деятельности, направленной на закрепление или изменение существующих общественных отношений.

Идеологический терроризм — неотъемлемый элемент политического терроризма, при котором с помощью совершения террористических актов подрывается уже имеющаяся идеологическая система, дестабилизируется обстановка, порождая страх и недоверие к институтам власти и властным структурам, увеличивается межгрупповая и внутригрупповая напряженность.

«Терроризм как политическое действие не может обойтись не только без опоры на идеологическую, но и на этическую систему» [17].

Анализируя труды идеологов терроризма, О. В. Будницкий выделил следующие основные положения. Терроризм — это:

- способ дезорганизации правительства;
- форма диалога с властью (через угрозы новых покушений);
- средство «возбуждения» народа с целью подтолкнуть его к восстаниям;
- способ привлечения внимания к деятельности террористов;
- подрыв «обаяния» правительственной силы.

Рассматривая особенности возникновения, протекания и урегулирования конфликтов, А. Налчаджян [5, с. 238] указывает на то, что, когда какая-либо этническая группа фрустрируется и оказывается в состоянии агрессии, ее действия могут направляться на следующие объекты: 1) другие этносы; 2) собственный этнос; 3) собственное правительство.

В случае если агрессор получает отпор, то агрессия изменяет направление и замещающим объектом избирается один из оставшихся двух. В подобных случаях имеет место субституция объекта агрессии, но в любом случае выбирается один из трех названных.

В случае совершения террористического акта агрессия как результат переживания фрустрирующей ситуации у пострадавшей стороны, как правило, канализируется изложенным выше образом. Увеличение межэтнической напряженности происходит аналогично увеличению его в кризисные переходные периоды, приводящие к «всплеску» периферийного национализма как региональной идеологии [4, с. 103].

Известный философ К. Мариньела в 1930 г. опубликовал первое исследование о терроризме, утверждая, что подобного рода деятельность требует от террористов высочайшего уровня морали, поскольку террористы во многих случаях выполняют функции освободителей. По мнению известного юриста-международника Дж. Витбека, проблема восприятия терроризма «превратилась в вопрос персональной оценки. Террорист, как и красота, это вопрос личной оценки наблюдателя» [19].

На личностном уровне террорист есть разновидность преступника и «представляет собой систему "личность преступника + оружие + идея"» [18]. И даже если за террористическим актом стоят корыстные цели, во главу угла ставится идея в качестве этически и морально оправдывающего компонента. Сама возможность осуществления терактов и злободневность проблемы возвращает нас к тому, что существует исторически сложившаяся двойственность восприятия терроризма [10]. В зависимости от того, кто и, главное, против кого использует террористические методы, терроризм в сознании людей подразделяется сквозь призму дихотомии «мы – они» [8, с. 51] на «наш» (полезный, продуктивный, направленный на противника) и «не наш» (вредный, деструктивный, направленный против нас).

Рассматривая идеологический терроризм, особое внимание нам бы хотелось уделить этническому и религиозному аспектам. Под этнорелигиозным терроризмом предлагается понимать такой, при котором преступление стимулируется мотивами обеспечения торжества своей нации или религии; реализации национальных и религиозных идей, в том числе сепаратистских, за счет подавления или даже уничтожения других национальных или религиозных групп (причем и в рамках одной религии) [11, с. 15]. Отличительной чертой этнического и религиозного терроризма является то, что его последствия сохраняются в памяти народа, происходит сакрализация негативного отношения к виновным у многих поколений на долгие годы. В результате конфликт переходит на новый уровень и интерпретируется как борьба «добра» со «злом», что морально и психологически допускает, даже поощряет совершение агрессии. Подобный переход возможен в силу того, что психология межэтнического неприятия складывается из множества характерных параметров, специфика коих очень тонка и многообразна. Так, Э. Х. Панеш, основываясь на трудах В. М. Бехтерева***, рассматривает построение межэтнических отношений и обращает особое внимание на роль генетической памяти, которая в течение жизни «не развивается, а скорее развертывается» [7, с. 14]. Соотношение

факторов развития межгруппового неприятия автор сравнивает с системой жестких и гибких звеньев. Если жесткие звенья участвуют в работе системы обязательно, то гибкие включаются в работу при специфических изменениях в функционировании системы. Подсознательные реакции образуют сложный комплекс, который затем мы можем обнаружить в форме стереотипа негативной направленности.

Одно из успешных направлений в антитеррористической деятельности будет деятельность, ведущаяся в сфере идеологии. М. Юргенсмайер в своей книге «Террор именем Бога» считает, что борьбу с терроризмом (именно «религиозные» группы ныне составляют большинство террористических организаций мира) можно выиграть лишь с помощью той же религии. По его мнению, лишь «религия мира» (например, миролюбивые формы ислама) способна заменить «религию войны» (например, ваххабизм), которую исповедуют миллионы явных и неявных сторонников террористов [19].

Информационный терроризм. Информация, как и энергия, выступает в форме существования движения. Человек как индивидуальность выделяется из общества, удовлетворяя свою потребность не только в единении с людьми, но и в дифференциации. Эта потребность свойственна и обществу с его объективной тенденцией к увеличению разнообразия. Она отражает своеобразие, неповторимость данного конкретного человека, живущего в определенный исторический период.

Использование информационного воздействия является важным инструментом манипуляции сознанием и поведением людей.

Для начала рассмотрим сам термин «информация» — это сведения о лицах, предметах, фактах, событиях, явлениях и процессах независимо от формы их представления. Информация уменьшает степень неопределенности, неполноту знаний о лицах, предметах, событиях и т. д.

Существует определенные критерии отличия — «метаморфозы» превращения сообщения в информацию [21]:

1) информация переводит получателя информации в то же состояние, в котором находится ее автор;

2) формирование сознания. Воздействие информации на сознание осуществляется после многосторонней, многократной, последовательной «трансформации сообщений о нем» в «информацию о действиях в отношении его». Соответственно, ничего непредусмотренного, случайного в подготовке информации быть не может.

Понятие информации тесно связано с понятием сознания. «Психология сознания: целеполагание, целенаправленность, целеустремленность, целесообразность поведения имеют своим источником информацию, состоят из информации и представлены в виде информации. Причем информация является не только средством регистрации, сколько средством прямого, косвенного, опосредованного воздействия на объект влияния. Как своими успехами человек обязан полноценной информационной подготовке, так и всеми своими неудачами общество обязано информационным ошибкам» [21].

А. И. Юрьевым была предложена «Система психологической политической информации», представляющая собой ряд последовательных действий с информацией в структуре с обратной связью. В предложенной системе отражены ключевые аспекты понимания разрушающего воздействия информационного терроризма.

Террористы имеют в своем распоряжении технические средства печати, радио, телевидения и иные коммуникативные базы сбора, хранения и распространения информации. В современном мире СМИ являются главным инструментом политического влияния. Многими исследователями отмечается симбиотическая связь терроризма со СМИ. И одна из задач, которая встает в рамках обеспечения информационной безопасности, — это не преграждение информации или введение цензуры, а разрыв этой симбиотической связи [9, с. 53–55].

Значимость информационной составляющей политического терроризма заключается и во «втором секрете войны» [23], суть которого в том, что «войны выигрываются не на полях сражений, а в сознании гражданского населения». Информационный терроризм поражает «полноту и достоверность представлений человека о мире». Когда на человека обрушивается

огромное количество противоречивых мнений, возникают сложности с выбором правильных, т. е. соотносящихся с морально-нравственными устоями общества и ценностными ориентациями самой личности. В этом случае объектом нападения является картина мира человека, свобода самостоятельного формулирования собственных целей в конкретно заданных исторических, социально-экономических и политических условиях. Как результат — глубокий экзистенциальный кризис, а в крайних проявлениях — развитие психических расстройств, сопровождающееся явлениями дезадаптации.

В условиях обеспечения антитеррористической деятельности с помощью СМИ выделяется несколько стратегий [9, с. 63–64]:

1) законодательного регулирования. Но при этом авторы указывают на сложности в ее осуществлении на территории России в связи с наличием в сознании людей негативных ассоциаций с цензурой;

2) добровольное самоограничение. Носит более приемлемый характер, но без учета мнения аудитории такое самоограничение медиапрофессионалами не решает проблемы противодействия информационному терроризму;

3) стратегия общественного согласия — комплексная система само- и саморегулирования, при которой регуляция осуществляется медиапрофессионалами, социальными институтами (законодательные, правоохранительные структуры, органы исполнительной власти), а также непосредственно аудитория СМИ.

Итак, описанные нами элементы политического терроризма тесно связаны между собой. Изменения в какой-либо одной из сфер отражаются на другой, и в итоге все это сказывается на политической системе и влечет за собой политические последствия. Политическая составляющая как интегрирующий элемент более высокого порядка, в свою очередь, влияет на экономическую, идеологическую, информационную и физическую составляющие. Политический терроризм есть продукт психолого-политической нестабильности общества и в качестве «social, economic and political timebomb» (А. Dowson, А. Tylee) выступает источником «психолого-политической нестабильности, от

которой страдает он сам». Целью политического терроризма является дестабилизация общества, приводящая к финансовым коллапсам, сменам правительств, сокращению производства, остановкам транспортных потоков, увеличению уровня межнациональной и межконфессиональной напряженности, эскалации экстре-

мизма и нетерпимости. Террористические акты приводят к снижению толерантности людей по отношению друг к другу, что проявляется в увеличении социальной дистанции, укреплении коммуникативных барьеров во взаимоотношениях, возведении психологической границы, укреплении негативных стереотипов [22; 8, с.133].

ПРИМЕЧАНИЯ

* В период с 1994 по 2005 г. на территории России было совершено 72 террористических акта, было захвачено 7416 заложников, пострадало 4010 человек (без физических травм – 3406, ранены – 2401, погибли – 1609) [13].

** Под прямыми расходами авторы понимают затраты на диагностику, лечение, социальное страхование, материально-техническое оснащение, оплату труда всего персонала, его обучение и специализацию при противодействии терроризму. Непрямые или косвенные экономические потери включают «невоспроизведенный валовой продукт государства в связи с временной или стойкой нетрудоспособностью жертв терактов, с их преждевременной смертью» [13].

*** В частности, работа по физиологии мозга под названием «Слово о нейронных ансамблях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1984. 176 с.
2. Касинов Г. Психотерапия гнева: Полное практическое руководство. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2006.
3. Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995. 314 с.
4. Лурье С. В. Национализм, этничность, культура. Категории науки и историческая практика // Общественные науки и современность. 1999. № 4.
5. Налчаджян А. А. Этнопсихологическая самозащита и агрессия. Ереван: Огебан, 2000. 406 с.
6. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. СПб.: Питер, 2002. 288 с.
7. Панеш Э. Х. Этническая психология и межнациональные отношения. Взаимодействие и особенности эволюции (На примере Западного Кавказа). СПб.: Европейский дом, 1996. 304 с.
8. Почебут Л. Г. Взаимопонимание культур: Методология и методы этнической и кросс-культурной психологии. Психология межэтнической толерантности. СПб.: СПбГУ, 2007. 284 с.
9. Современный терроризм и борьба с ним: социально-гуманитарные измерения / С. А. Афонин и др.; Под ред. В. В. Ященко. М.: МЦНМО, 2007. 216 с.
10. Цопанова А. В. Стереотипы восприятия терроризма в контексте этнического самосознания // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Акмеология развития личности и деятельности». СПб.: СПбАА, 2007. С. 219
11. Этнорелигиозный терроризм / Ю. М. Антонян, Г. И. Белокуров, А. К. Боковиков и др.; Под ред. Ю. М. Антоняна. М.: АспектПресс, 2006. 318 с.
12. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб., 1992. 232 с.
13. Ястребов В. С., Боев Б. В. Прогнозирование вспышек посттравматических стрессовых расстройств после масштабных актов терроризма // Журнал неврологии и психиатрии. 2007. № 2.
14. Greenberg P. E., Steglin L. E. The economic burden of depression in 1990 // J Clin Psychiat. 1993. N 54. P. 405–418.
15. Kind P., Sorensen J. The cost of depression // Int. Clin. Psychopharmacology. 1993. N 7. P. 191–195.
16. Бодрийяр Ж. Дух терроризма / Пер. В. Иванова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/142061.html>
17. Будницкий О. В. Терроризм: история и современность // Айрекс. Электронный журнал «Полемика». Вып. 10 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.irex.ru/press/pub/polemika/10/bud/>

ПСИХОЛОГИЯ

18. *Корецкий Д. А.* Идеологическое обеспечение борьбы с терроризмом современность [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [http://sartraccc.sgar.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/kolreckiy\(25-05-07\).htm](http://sartraccc.sgar.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub/kolreckiy(25-05-07).htm)

19. Террористы как борцы за свободу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.washprofile.org/en/node/507>

20. Экономический терроризм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.e-terror.ru/it2b1.page1.html>

21. *Юрьев А. И.* Восемь эффектов влияния информационных потоков на сознание человека и общества: Тезисы доклада на Международной конференции «Информационное общество и интеллектуальные информационные технологии XXI века». М., 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politpsy.ru/doc/transsoz.htm>

22. *Юрьев А. И.* Политическая психология терроризма: Доклад на форуме «Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора». СПб., 2004 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://psyfactor.org/lib/terror3.htm>

23. *Юрьев А. И.* Хотят ли русские войны: Тезисы доклада на заседании круглого стола «Хотят ли русские войны» в Информационном агентстве «Росбалт». СПб., 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politpsy.ru/doc/horuv.htm>